

Уроки Charlie Hebdo: к вопросу о «четвертой власти», свободе слова и ответственности в глобализированном обществе

События вокруг сатирического журнала Charlie Hebdo в начале 2015 г. вновь оживили интерес к теме свободы слова и ответственности медиаресурсов в современном мире, где с появлением Интернета сложная и более влиятельная чем когда-либо в истории глобальная система коммуникации вдруг стала...больше, чем само человечество.

Параллельно с чисто технологическим ростом могущества коммуникаций, особенно с выходом на авансцену медиапространства социальных сетей, влияние СМК становится определяющим. Функционирование глобальных по своему характеру информационных потоков придает массово-коммуникативной деятельности все более значимую роль. Речь идет о том, что средства массовой коммуникации сегодня уверенно регулируют индивидуальное и групповое поведение человека в социуме.

Если есть определенная медиаустановка на формирования образа конкретного человека, идеи или любой проблемы в СМИ, то значит, что именно такими после их воплощения они станут восприниматься и в реальной жизни. Воздействуя посредством информации на общественное мнение, массовые коммуникации способствуют тем самым наилучшей реализации целей субъектов социальных интересов. Исходя из этого тезиса, отдельные эксперты высказывают убеждение, что журналистика сегодня в действительности очевидным образом проявляет себя не просто той самой «четвертой властью», а наиболее эффективной из всех четырех. Парадоксально, но в контексте глобализации некоторые медиааналитики называют власть прессы первой, а не четвертой. Их стараниями этот факт послужил основанием для нового прочтения термина «четвертая власть», который наделяет массовые коммуникации некими особыми властными полномочиями.

Но все-таки трудно не согласиться с Т.В. Науменко в том, что *«журналистика является четвертой властью (если гипотетически предположить, что таковая возможна) тогда и только тогда, когда она не является самой собой. Если внимательно присмотреться к данному выводу, то окажется, что он абсолютно правилен логически и, более того, верен по существу: он означает, что журналистика не является ни четвертой, никакой бы то ни было другой властью»*. [1]

Поэтому стоит принять очевидный вывод: выражение «журналистика – “четвертая власть”» является собой абсолютную метафору. Журналистика как «четвертая власть» есть метафора, стоящая в ряду других таких же «числовых» метафор, как «пятая колонна»,

«шестое чувство» или «восьмое чудо света». *«Наделение журналистики властными функциями происходит из-за смешения понятий «власть» и «влияние», и из-за отсутствия четкого определения того и другого. <...> Что значит власть? Что значит минимальное воздействие или максимальное воздействие? Насколько сильными должны быть СМИ, чтобы обладать властью или влиять на события?»*[Там же]

Возникнув как метафора, понятие «четвертая власть» не стало объектом серьезных исследований политологов и социологов и обсуждалась только в среде журналистов и теоретиков журналистики. В этом случае поставленные выше вопросы становятся принципиальными.

То есть, если рассмотрение массовых коммуникаций в аспекте носителя власти является фактически бессмысленным, то их способность оказывать влияние на ход событий, становиться катализатором политических, культурных и иных процессов в мире образца 2015 г. действительно может быть предметом для глубокого научного исследования. Интерактивная среда web-а 2.0 и тем более возможности нарождающегося «интеллектуального» Интернета третьего поколения стимулируют изучение аспектов медиального воздействия уже не только продуктов журналистского творчества, но и активно вызывают исследование проблем влияния на общественные процессы социальных сетей и социальных медиа.

Если принять за аксиому, что влияние массовых коммуникаций в современном мире велико (а примеров такого влияния в последние годы действительно предостаточно), то следует посмотреть в первую очередь на качество перемен, последствия, к которым приводят изменения в обществах, отдельных государствах, судьбах конкретных людей. Есть смысл взять для рассмотрения примеры неоднозначного, а порой и просто очевидно негативного отклика массового слова, призыва, манифеста на уклад жизни большого количества людей, целых народов, стран, регионов (как, например, арабских стран, Украины). Дистанция от произнесенного слова до желания действовать и самого действия становится слишком короткой. И от сказанного (невольнo либо с умыслом) обрушиваются курсы валют и курсы акций, возникают военная напряженность и даже конфликты, при которых, в свою очередь, с помощью современных гаджетов подогреваются и координируются действия протестующих, оказывается колоссальное давление на власть, что приводит нередко непоправимым последствиям в жизни всего общества.

Но если в поле зрения исследователей прошлого было, скажем, изучение роли журналистики в идеологическом управлении общественными процессами, то сейчас таких полюсов влияния стало гораздо больше. Блоги, микроблоги, выступления в соцсетях становятся значимыми и практически неконтролируемыми источниками влияния. В этом случае свобода слова и ответственности журналистики в разных ее проявлениях и

трактовок уже не является тем эталоном и руководством к действию, которыми они служили многие годы ранее.

Есть крайнее мнение: *«как в политике, так и в журналистике морали почти не осталось, а “обликоморале” журналиста хорошо иллюстрирует телевидение: пять минут позора, и ты обеспечил себе полгода безбедной жизни»*. [2] Высказано данное мнение в комментариях по событиям, связанным с расстрелом парижской редакции журнала Charlie Hebdo, но сопряжен данный тезис все же с постижением именно той свободы слова, которая в разные времена понималась по-разному, с одной стороны, и трактовкой концепта свободы в современном секуляризованном и свертехнологичном мире, – с другой.

Исторически так получилось, что рожденная в итоге французской революции 1789 г. «Декларация прав человека и гражданина» стала важной вехой в истории идеи прав человека и одновременно величайшим документом, который подчеркивал значение человека истории и формулировал проблему прогрессивного решения его прав.

В Декларации свобода человека трактовалась как право *«делать все, что не вредит другим»* (ст. 3). Важны в этом контексте еще два положения. *«Закон обладает лишь правом запрещать такие действия, которые вредны для общества»* (ст.4). *«Свободное выражение мыслей и мнений является одним из наиболее ценных прав человека. Каждый может свободно говорить, писать и печатать с учетом ответственности за злоупотребления этой свободой в случаях, установленных законом»* (ст.16). [3]

Компактный и строгий документ Декларации, состоящий из всего 17-ти емких тезисов, на протяжении более 200 лет остается основой для разработки целого ряда правовых документов, принятых не только в рамках одной Западной цивилизации, но фактически всего мира. Так, Декларация оказала известное воздействие на разработку ООН комплекса международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств в области защиты прав человека; стала источником вдохновения для правовых документов стран и регионов.

С другой стороны, фиксируемые этими документами определенные стандарты и установки делать все, что не наносит вреда другому, означали, что осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом. Можно выразиться по-другому: свобода – это возможность беспрепятственного достижения результатов, потенциал для беспрепятственных действий.

Французский урок Charlie Hebdo еще не изучен и не усвоен. Возможно, из него даже не сделают громких и понятных всем выводов, но основные позиции (разумеется, со всеми 50-ю оттенками серого) остаются две.

Первая. Изначально была представлена в социальных сетях в виде хештега #JeSuisCharlie (Я – это Шарли). Таким образом многие люди из разных стран мира сначала вербально, потом на демонстрациях выразили соболезнование по поводу гибели 10-ти сотрудников журнала Charlie Hebdo и полицейских.

Вторая. Состоит в призыве игнорировать подобную сатиру и журналистику и активно противостоять публикациям непристойных карикатур на святыни христианства, ислама, иных религий, чтобы не дополнять вектор текущего насилия еще и религиозной составляющей, способной сегодня воспламенить все общество.

Между тем путь издания к трагедии сопровождался своеобразным и непостижимым для незападных цивилизаций пониманием свободы слова и ответственности журналистов, а в данном случае, скорее, карикатуристов.

История сатирического журнала Charlie Hebdo началась в 1969 г. Первоначально издание называлось HaraKiriHebdo в честь ежемесячника-предшественника. Однако уже через год после открытия власти Франции запретили издание за шутку по поводу смерти бывшего президента страны Шарля де Голля. Но редакция сменила название и продолжила работу. В 1981 г. выпуски Charlie Hebdo прекратились, и журнал был возрожден лишь спустя 11 лет.

Редакция Charlie Hebdo придерживается антирелигиозных и крайне левых взглядов и публикует карикатуры, колонки, статьи и другие сатирические материалы общественно-политической направленности. В разное время на первой полосе газеты высмеивались практически все религии – от католицизма до ислама; постоянно достается и политикам, особенно французским.

Charlie Hebdo – последовательное антирелигиозное издание, особое внимание, уделяющее карикатурам и статьям на тему ислама. Газета, в частности, перепечатывала серию карикатур на пророка Мухаммеда из датского издания Jyllands-Posten, первоначальная публикация которых вызвала крайне негативную реакцию в мусульманских странах и массовые протесты. Перепечатка карикатур увеличила тираж журнала в полтора раза. Пророк Мухаммед появлялся на страницах Charlie Hebdo много раз, в том числе в полуобнаженном и обнаженном виде. На одной из обложек Мухаммед держал себя за голову, причитая: «Тяжело, когда тебя почитают дураки».

В Charlie Hebdo считают, что для шуток нет запретных тем, и религия – не исключение. В 2008 г. журнал выиграл судебный процесс по иску от представителей мусульманских общин, возмущенных перепечаткой карикатур на пророка Мухаммеда.

В редакции объясняют, что еженедельно публикуют множество провокационных материалов на различные темы, однако резко негативную реакцию вызывают только карикатуры на пророка.

Кроме того, весной 2006 г. Charlie Hebdo опубликовала «Манифест двенадцати», в котором исламизм был назван «новым тоталитаризмом». «Победив фашизм, нацизм и сталинизм, мир сталкивается с новой глобальной угрозой тоталитарного типа – исламизмом. Мы... призываем к сопротивлению религиозному тоталитаризму, к утверждению свободы, равенства возможностей и светскости для всех», – говорилось в статье. Авторы манифеста заявили, что «речь идет не о столкновении цивилизаций или об антагонизме между Западом и Востоком, но о глобальной борьбе, в которой демократы противостоят клерикалам».

В 2011 г. Charlie Hebdo на один номер переименовался в ChariaHebdo, назвав пророка Мухаммеда приглашенным главным редактором, а на обложке разместив изображение пророка, говорящего: «Сто ударов кнутом тому, кто не умрет от смеха». За сутки до выхода номера редакцию Charlie Hebdo забросали бутылками с зажигательной смесью, здание полностью выгорело. Редакция и до этого случая, и после него неоднократно получала угрозы от радикалов.

В действительности покойные карикатуристы успели поглумиться не только над исламскими святынями; они издевались и над христианской Троицей, и над Иисусом Христом, над москвичами, погибшими в метро, над всем и вся, невзирая на чьи-либо чувства.

В декабре 2014 г. на обложке журнала появилась оскорбительная для чувств верующих христиан карикатура издания к Рождеству.

7 января 2015 г. Charlie Hebdo вышла с анонсом нового романа-фэнтези французского писателя Мишеля Уэльбека «Покорность», в котором рассказывается о победе на выборах во Франции в 2022 г. президента-мусульманина и исламизации Европы. Кроме того, за несколько часов до нападения на редакцию в твиттереCharlieHebdo появилась карикатура на лидера т. н. Исламского государства Ирака и Леванты (ИГИЛ) Абу Бакр аль-Багдади. [4]

В этот же день произошел расстрел редакции.

Анализ оценок и мнений о случившемся из десятков источников в первую неделю после трагедии едва ли подводит к заключению, что главным вопросом всей дискуссии может и должен стать вопрос, *готова ли европейская цивилизация к правильной, философской оценке того, что происходит.*

Если ознакомиться с первыми откликами и оценками парижской бойни, то они о том, что главная трагедия – это посягательство (помимо, конечно, гибели людей) на

свободу слова. И далее следует коллективная клятва политиков и медийщиков: сколько бы нас ни убивали, мы все равно будем писать и говорить, что хотим. Если так, логично предположить, что свобода слова выродилась в свободу оскорблять и унижать любого и каждого, невзирая ни на какие авторитеты. И что ее носители стали представлять свое бытие в цивилизации, определяемой законами постмодернистской философии, когда человек не связан ни с каким порядком вещей, отрицает любую систему ценностей, сам себе ее назначает, не подчиняясь никакому своду правил. Должен ли он за это поплатиться? Не должен. Но может, как в этом случае, где погибли не только «свободные» карикатуристы и журналисты, но и не причастные к оскорбительным действиям полицейские.

Еще около 300 лет тому назад французский писатель, правовед и философ Ш.Монтескье, разработавший доктрину о разделении властей, назвал свободу «правом делать все, что дозволено законом». основополагающие принципы политического либерализма, сформулированные Монтескье, постепенно утвердились в качестве незыблемых догм для западных обществ. Либерализм давно стал пониматься как свобода в широком смысле слова: плюрализм мнений, свобода предпринимательства, свобода совести, свобода слова, в том числе средств массовой информации. Другое дело, что с некоторых пор приходится говорить о «постнеолиберализме», «либеральном авангардизме», «ультралиберализме», которые определяются глубоким и всепроникающим действием постмодернистской философии на всю парадигму политической, общественной, культурной, духовной жизни. Идейной базой глобализма становится постмодернизм, уничтожающий границы между добром и злом, между культурными ориентирами, стирающий традицию в пыль. Правда, если уничтожить любые ориентиры – кем тогда можно быть? Если нет точки отсчета, объект не движется в пространстве. Если нет зла, то и добра тоже нет.

В этом случае уверенность в правильной, философской оценке событий вокруг журнала Charlie Hebdo на Западе может и не оправдаться. По мнению главы Европейского Института демократии и сотрудничества и Фонда исторической перспективы Н. Нарочницкой, есть сомнения, что *«постмодернисты, которые тут доминируют во всей прессе, во всем информационном сообществе и в политической элите, за исключением небольшого числа консерваторов, не начнут кричать, что самое главное в нашей цивилизации – это свобода слова. Я свободен, я так считаю, и никто не может меня унижать, оскорбить и дать мне пощечину. А там это часто уже понимается как я свободен, я каждого могу оскорбить, унижать, дать ему пощечину»*. [5]

Такая интерпретация поведения в этой конкретной ситуации коррелируется с исходными принципами политической идеологии либерализма, где человек

представлен как автономная самоуправляющаяся личность, способная устанавливать законы собственной нравственности и поведения. Дж. Милль сформулировал эту мысль в форме аксиомы: «Человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно»[6]

Очевидным фактом можно считать то, что реализация идей либерализма на современном этапе выявила ряд проблем и противоречий в обществе и деятельности СМИ: совмещение демократии и индивидуальной свободы; противоречия между индивидуальными свободами и общественной моралью, патриотизмом и универсальными (общечеловеческими) правами и свободами человека. Номинальные сторонники либерализма похоже забыли основной постулат либеральной этики: «Твои права заканчиваются там, где начинаются права другого человека». Помимо этого, все острее стоит вопрос о том, являются ли ценности либерализма универсальными, общими для всех стран, культур и народов, или это ценности, которые присущи только западной цивилизации, а утверждение их на иной «культурной почве» затруднено.

Получается, что сами носители морально-этических принципов уже не внимают авторитету самого Монтескье, который, являясь отцом современного западного либерализма, предупреждает об ответственности. *«Все люди равны в республиканских государствах, они равны и в деспотических государствах. В первом случае они равны, потому что они – все, во втором – потому, что они ничто. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие; главное – это безопасность гражданина».*[7]

Вопросы безопасности напрямую зависят от ответственности самих граждан, а если мы говорим о медийщиках, то – об ответственности журналистов, блогеров, любых медийных и публичных персон, лидеров мнения. Ответственность – субъективная обязанность отвечать за поступки и действия, а также их последствия.

Таким образом, понимание понятий «свобода», «свобода слова» и «ответственность» в неолиберальной и постнеолиберальной традиции зависит сугубо от ценностей человека. Так что в ситуации вокруг трагедии с Charlie Hebdo остается больше вопросов, чем ответов.

В этом случае, в соответствии с духом времени, вполне можно сослаться на мнения блогеров известных интерактивных медиаресурсов и выделить некоторые наиболее объективные оценки случившегося в Париже.

Литературный и театральный критик Гарри Гайлит

Это откровенное двурушничество. Разве погибшие «раблезианцы» не надругались над одной из главных европейской ценностей – над свободой совести, над религией мусульман? Вопрос вот в чем: могли ли те, кто снарядил террористов на эту акцию,

иным путем заставить замолчать парижский юмористический журнал? Нет, не могли.

И вот результат.[8]

Корреспондент «Эха Москвы» Алексей Голубев

Я не Шарли

И не исламист, конечно... Но почему я вообще должен выбирать? Между террором и похабщиной — почему?

Европейское журналистское сообщество солидаризировалось и выступило единым фронтом за Charlie Hebdo, ринулось отстаивать право на вседозволенность, называя её свободой слова. Создается впечатление, что ничего более так не объединяет европейцев, как борьба за право на распущенность во всех её проявлениях.

«Мы все Шарли»...

Нет, спасибо, я не Шарли и не Эбдо. Мое понимание журналистской работы слишком отличается от понимания французских коллег из сатирического издания. Уже, увы, покойных.[9]

Председатель международного интерактивного портала IMHOclub Юрий Алексеев.

А знаете, сколько настоящих журналистов погибло в прошлом году? По данным всемирной журналистской корпорации PressEmblemCampaign — 128 (сто двадцать восемь!). И что? «Прогрессивное человечество» вышло на демонстрацию? Оно потребовало расследования и наказания убийц?.. Я себя тоже причисляю к журналистскому цеху. Считаю это звание высокой честью. Хотя... точки отсчета в мире стремительно меняются. Идеалом красоты становятся кончиты-вюрст, идеалом гуманизма – нацисты, идеалом политики – джейны-псаки, идеалом борьбы за права человека – пусси-райоты, идеалом демократии – майданы, а идеалом журналистики – клоуны-порнографы... [10]

Урок, который был дан по событиям трагедии в редакции журнала Charlie Hebdo, может состоять в поиске ответа на вопрос, что представляет собой мораль ненасилия в глобализированном обществе. Ведь если исходить из принципа абсолютной свободы слова, то пора понять, что этот на первый взгляд стопроцентно демократический принцип может привести к тому, что погибнет именно та свобода слова–и вообще все свободы, – во имя которых данный принцип провозглашается.

Как предотвратить такое толкование (или извращение) принципа свободы и прав личности, при котором начинает господствовать полная вседозволенность, рушатся все табу? Но как пресечь эту пагубную тенденцию, не скатываясь при этом к тоталитарной системе запретов и обязательных норм, устанавливаемых государством? Вопрос фундаментальный.

Литература

1. *Науменко, Т.В.* «Четвертая власть» как социологическая категория [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/07/06/print:page,1,tv_naumenko_chetvertaja_vlast_kak_sociologicheskaja_kategorija.html. – Дата доступа: 15.01.2015.
2. *Вахтель, В.* Награда нашла героев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imhoclub.lv/ru/material/nagrada_nashla_geroev?userlast=230. – Дата доступа: 15.01.2015.
3. *Дмитрий* Декларация прав человека и гражданина (1789 г.) в истории идей о правах человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bip-ip.com/deklaratsiya-prav-cheloveka-i-grazhdanina-1789-g-v-istorii-idey-o-pravah-cheloveka/>. – Дата доступа: 15.01.2015.
4. Чем прославился журнал «Шарли Эбдо» до кровавого теракта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vesti-ukr.com/mir/84066-chem-proslavilsja-zhurnal-sharli-jebdo-do-krovavogo-terakta>. – Дата доступа: 15.01.2015.
5. *Чинкова, Е., Кочнева, А.* Свобода слова выродилась в свободу оскорблять [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26326/3210132/>. – Дата доступа: 15.01.2015.
6. Политология: Учебное пособие / Под ред. А.С.Тургаева, А.Е.Хренова. – СПб.: Питер, 2005. – с.323.
7. *Монтескье, Ш.-Л.* О духе законов /Ш.-Л.Монтескье. – М., «Мысль», 1999. – с. 225.
8. *Гайлит, Г.* Умру от смеха... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imhoclub.lv/ru/material/umru_ot_smeha. – Дата доступа: 15.01.2015.
9. *Голубев, А.* Я не Шарли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/al_golubev/1470918-echo/. – Дата доступа: 15.01.2015.
10. *Алексеев, Ю.* Награда нашла героев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imhoclub.lv/ru/material/nagrada_nashla_geroev?userlast=230. – Дата доступа: 15.01.2015.